

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI 10.18101/2686-7095-2025-1-62-70

**ЛИЧНОСТЬ И ТЕКСТЫ Ф. И. ТЮТЧЕВА В ТВОРЧЕСКОЙ
РЕФЛЕКСИИ П. Л. ПРОСКУРИНА 1970–1980-х гг.**

© **Куприянова Алина Александровна**

обучающаяся,

Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского

Россия, 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14

kuperalin@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются причины возникновения интереса П. Л. Проскурина к личности и текстам Ф. И. Тютчева. Отмечается, что писатель оценивает художественное наследие поэта как воплощение Большой истории, миссии русского народа, провиденциального образа России, бессмертия творчества. П. Л. Проскурин использует различные средства и приемы для презентации личности и поэзии Ф. И. Тютчева: пафосную модальность, эзопов язык, рассмотрение философской лирики поэта в контексте традиции, мотив поэта-пророка. Типологические схождения между взглядами и творчеством поэта XIX в. и писателя XX в. прослеживаются в их историсофских взглядах на положение России как державы между Западом и Востоком, в том, как они понимали значение и роль страны в мировой истории человечества. Обращение к концепции державности России поэта-философа позволяет раскрыть новые грани в оппозиции «Восток — Запад — Россия» в художественном мире автора трилогии о Захаре Дерюгине, оценить его поэтику в контексте развития классической традиции.

Ключевые слова: Ф. И. Тютчев, П. Л. Проскурин, духовность, православие, философия, эзопов язык, консерватизм, почвенничество, историзм, миссия России.

Для цитирования

Куприянова А. А. Личность и тексты Ф. И. Тютчева в творческой рефлексии П. Л. Проскурина 1970–1980-х гг. // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2025. Вып. 1. С. 62–70.

Введение

П. Л. Проскурин — писатель, обделенный вниманием исследователей. Литературоведы не только не акцентировали внимание на актуальных проблемах его творчества, но даже не обратились к анализу последних произведений писателя. Исключение составляют опубликованные в конце XX — начале XXI в. работы Ю. Медведева, В. Журавской, С. Салякиной, Н. Савельевой, П. Майданюка, Е. Михеичевой и написанные в соавторстве И. Старцевой, А. Шаравиным, А. Антюховым статьи, а также изданные материалы проведенных в городе Брянске 11 конференций «Проскуринские чтения»¹ [6; 2; 11; 10; 5; 7; 8; 12; 13]. Актуальность

¹ Материалы транзитного литературного проекта «Проскуринские чтения»: Брянск—Севск – II, Брянск—Орел – III, Брянск—Тверь – IV, Брянск—Хабаровск – V, Брянск—Москва – VI. Брянск: Аверс, 2021. 287 с.; Межрегиональные Проскуринские чтения: материалы межрегиональных IX Проскуринских чтений (Брянск, 22 января 2021 г.). Брянск:

работы связана с необходимостью осмыслить тютчевскую линию в свете творческой индивидуальности писателя-государственника, выявить типологическое сходство творческого наследия Ф. И. Тютчева и произведений П. Л. Проскурина, уточнить идеологические пересечения во взглядах писателей. Рефлексия личности и творчества Ф. Тютчева позволит проявить значение и роль классической традиции для П. Л. Проскурина как художественного вектора, определившего развитие его творческой индивидуальности. Цель статьи — выявление взаимодействия творчества П. Л. Проскурина с художественным миром Ф. Тютчева, определившим повторяющиеся ценностные основы идеологического и эстетического характера в произведениях художников слова XX века. В исследовании использован герменевтический метод для решения поставленной цели в рамках историко-теоретического контекста современного литературоведения. В статье впервые рассматриваются тютчевские традиции в творчестве П. Л. Проскурина, что позволяет сформулировать новые константы художественного мира писателя.

Результаты

В 2005 г., уже посмертно, вышла вторая часть мемуаров П. Проскурина «На грани веков». В своей итоговой прозе, написанной в форме дневника, писатель окончательно определился в своих литературных предпочтениях, подвел итог классической литературной традиции, определившей его творческое развитие. Отношение к Ф. И. Тютчеву в сравнении с началом 1980-х г. у П. Л. Проскурина не изменилось. Писатель только несколько сместил акцент с философской лирики русского поэта-философа на его историософскую лирику. Личность и творчество Ф. И. Тютчева оказались близки П. Л. Проскуру по многим параметрам. Немаловажную роль здесь сыграло то, что художники слова были земляками (в мемуарах П. Л. Проскурин называет поэта — «кровный сын брянской земли»; «Тютчев, разумеется, хорошо знал и безгранично любил историю родной земли, боготворил природу родного края, и эта любовь выплеснулась в его стихах с волшебной силой») [9, с. 219, 220]. Однако главное — это типологические сходства в творчестве Ф. И. Тютчева и П. Л. Проскурина, проявившиеся в обращении к государственности России, ее историческому прошлому, месту, которое занимает страна между Западом и Востоком, православием, историософией.

Литературоведами неоднократно ставился вопрос о близости творческих принципов П. Л. Проскурина к деревенской прозе. Книга мемуаров «На грани веков» расставила окончательные акценты в решении проблемы взаимодействия художественного наследия представителей почвенного направления русской литературы и автора романов «Судьба», «Имя твое», «Отречение».

Среди основных координат художественного мира П. Л. Проскурина — обращение к консерватизму и неопочвенничеству как важным параметрам, определившим мировоззренческие основы русского крестьянства. А. Большакова в статье «Почвенничество и символический реализм В. П. Астафьева и В. Г. Распутина»

Аверс, 2022 39 с.; Проскуринские чтения: материалы I Межрегиональной научно-практической конференции (Брянск, 22 января 2013 г.). Брянск, 2013. 37 с.; Проскуринские чтения: материалы межрегиональных VIII Проскуринских чтений (22 января 2020 г.). Библиотека поселка Косицы Севского района Брянской области. Брянск: Аверс, 2022. 36 с.; Проскуринские чтения: материалы X Межрегиональной научно-практической конференции (Брянск, 21 января 2022 г.). Брянск: Аверс, 2022. 75 с.

определила особенности данных идеологических констант: «На самом деле суть подлинного консерватизма — меняться, оставаясь собой. В основе его — не ретроградство, а сохранение культурной национальной идентичности, базовых ценностей народа. Стратегия — эволюция вместо революции, традиция вместо разрушительной ломки устоев. В этом есть близость художественной идеологии деревенской прозы. Однако лишь близость, поскольку консерватизм как мировая идеология направлен на сохранение, скорее, внешней охранной системы общества, государства, а, к примеру, почвенничество как феномен сугубо русский — глубинного самосознания...» [1, с. 307]. Под термином «непочвенничество» исследователи понимают «верность крестьянству и традиционным ценностям народной жизни, традициям русской словесности» [3, с. 22].

Обращение Ф. И. Тютчева к идеологическим ценностям консерватизма и почвенничества в качестве духовного оплота русского общества и скрепляющей силы русского народа во многом оказалось доминантой и для П. Л. Проскурина.

В книге «Порог любви» (опубликован в 1986, по комментариям Л. Р. Проскуриной «вышел в конце 70-х») одно из первых упоминаний о Ф. И. Тютчеве определяет его место в русской литературе и жизни. П. Л. Проскурин вписывает поэта-философа в личностную выстраиваемую и осмысляемую им Большую историю России («...в этом же движении народа к духовным вершинам, всегда основывающемся на незабываемом историческом монолите своей культуры, и Сергей Есенин, и Александр Блок на наших глазах легко и как бы безо всяких видимых усилий (время пришло!) перешагнули из одной традиции в другую и стали вслед за Пушкиным, Лермонтовым и Тютчевым в ряд величин самых необходимых, организующих само будущее...») [9, с. 116–117]. Для писателя Ф. И. Тютчев — воплощение русской литературной традиции, проявление русского менталитета, необходимая величина русской культуры и творческая энергия, организующая будущее. С этой точки отсчета и начинаются рассуждения П. Л. Проскурина об авторе стихотворения-афоризма «Умом — Россию не понять» [14, т. 2, с. 165].

Свое постижение лирики Ф. И. Тютчева писатель начинает с осознания и осмысления ее духовной мощи. «Одухотворенная красота творчества» «выбаюкивается тысячелетиями», она следствие «теплой тьмы времен». Личность Ф. И. Тютчева, по П. Л. Проскуру, «ретранслятор» энергии из прошлого в будущее. Фундамент философской лирики поэта — ощущение прочности истории, ратная сила предков и «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам», по-пушкински, а, по Проскуру, «земля с могилами предков»: «...я открыл какую-то неизвестную мне досель красоту родной земли, удивительную цельность народного характера... очувствовал, как человеку необходима одухотворенная красота творчества и как он стремится понять тысячелетнюю землю, породившую его, давшую ему прочность истории, ратную силу предков, неповторимую духовную мощь поэзии Тютчева, вставшей в один ряд с творениями лучших достижений человеческого гения, и я понял, что красота жизни и красота духовных устремлений человека выбаюкивались тысячелетиями; теплая тьма времен тоже живет и непрерывно шлет свои волны в настоящее и будущее — так уж устроена жизнь, и этого никому не переменить. Земля без могил предков — чужая и непонятная земля, и недаром всякое чужеземное нашествие стремится прежде всего разрушить святыни памяти народа, стереть с лица земли кладбища, переименовать

все, связанное с глубокой отечественной историей...» [9, с. 196–197]. У П. Л. Проскурина выработалось тютчевское видение пейзажа: за природным ландшафтом открывается скрытый, глубинный культурно-исторический ландшафт. Пейзажная зарисовка писателя XX в. по-тютчевски высвечивает национальную русскую ментальность в интимной теплоте и красоте патриотизма.

Следующая загадка поэта-философа для П. Л. Проскурина — постичь тайну бессмертия тютчевского творчества — в России будущего, читателей-потомках, литературе XX в. И разгадывает ее писатель через два гениальных стихотворения поэта — «Эти бедные селенья», «Нам не дано предугадать». П. Л. Проскурин использует прием контаминации (совмещения в художественном переложении-комментарии указанных выше лирических произведений): «Там, где раздражительный, мелочный увидит одну грязь, прозорливец тотчас заметит густое вкрапление чистого золота; где нетерпеливый от жалости к себе увидит впереди одну тьму, ищущий различит все больше разгорающийся во тьме путеводный огонек; он не станет с тайным удовлетворением искать признаков слабости, тем более пытаться возвести их в некий изначальный закон, и в награду ему откроется формула непрерывного возрождения и укрепления жизни, скрытая в самых потаенных недрах народа, и сердца его коснется, как сказал Тютчев, благодать» [9, с. 200]. Анализ П. Л. Проскурина выделяет в лирике поэта главное — поиски формулы непрерывного возрождения и укрепления жизни. Для прозаика XX в. это постижение народной тайны, скрытой от поверхностного взора, уподоблено мифологической загадке сфинкса. И ответ П. Л. Проскурин находит в исторически развивающейся героической мужественности русского народа. Писатель акцентирует важное для него четверостишие Ф. И. Тютчева («Не поймет и не заметит / Гордый взор иноплеменный, / Что сквозит и тайно светит / В наготе твоей смиренной») [14, т. 2, с. 71]. Строки поэта о «гордом взоре иноплеменном» интерпретируются П. Л. Проскуриным не только как оценивающий взгляд чужеземца на Россию, но и как мнение любого человека, кровно не связанного с родиной, со страной. Для автора «Порога любви» очевидно: только через любовь к Руси может открыться общее между испытавшим муки за человечество Христом и смиренным «Русским народом» (в тютчевском правописании с большой буквы). Крестная ноша крестьянства — вот «формула непрерывного возрождения и укрепления жизни» русской нации, по Ф. И. Тютчеву и П. Л. Проскуру, благословленная Царем Небесным. Реминисцентное слово поэта «благодать» из четверостишия «Нам не дано предугадать, / Как слово наше отзовется, — / И нам сочувствие дается, / Как нам дается благодать...» у автора мемуаров — атрибут сердечного состояния [14, т. 2, с. 197]. Интерпретируя смысл стихотворения Ф. И. Тютчева, писатель акцентирует православную идею: за долготерпение и смирение Русский народ обретет сочувственную Божественную благодать. Позиция П. Л. Проскурина несколько идеализирована в духе классического славянофильства, во второй книге мемуаров он подвергнет ее переосмыслению. Конечно, писатель излагает свое понимание стихотворений поэта, не обращаясь к концепции православия, однако мысль о русском христианстве подсказывается всем ходом его рассуждений, а умолчание, пробелы — это уже из области цензурных ограничений. К комментарию стихотворения «Эти бедные селенья» П. Л. Проскурин еще раз обратится в финальной части этой же одиннадцатой главы «Сотворение души, на земле Пересвета». Во-

первых, писатель приводит полностью стихотворение Ф. И. Тютчева, чтобы читатели сразу уловили недоговоренности и тайнопись эзопова языка (в приведенном стихотворении советское написание противоречит тютчевскому: «Русского народа» / «русского народа»; «Царь Небесный» / «царь небесный») [9, с. 219–220]. Во-вторых, в треугольнике отношений «автор — цензор — читатель» происходит «расстановка экранов и маркеров», являющаяся «основой эзопова языка» [4, с. 12]. Маркером, отсылающим к присутствию шифра в тексте, является оговорка П. Л. Проскурина о праве Ф. И. Тютчева: «Он имел право говорить и о долготерпении русского народа, и о крестном пути родной земли» [9, с. 220]. Тайнопись более чем прозрачна: Ф. И. Тютчев имел такое право, а он, П. Л. Проскурин, такого право не имеет в силу понятных интеллигентному читателю причин, поэтому и христианские, православные мотивы поэта остаются без анализа. Их автор замещает прямой оценкой личности и творчества Ф. И. Тютчева: «один из самых удивительных и загадочных поэтов России» [9, с. 220]. Именуя поэта «духовным провидцем родной земли», который «прозревал в отдаленное будущее, еще более трудное и еще более великое, и передавал это в неповторимых пророческих поэтических образах», П. Л. Проскурин только частично раскрывает его ясновидение. Лирика Ф. И. Тютчева рассматривается П. Л. Проскуриным с позиции воплощения героического начала русской жизни, критерия, служившего для писателя качеством оценки литературы: «... связывая подчас в одном коротком стихотворении прошлое, настоящее и будущее навечно... знал, что героическое начало в истории неделимо и что именно оно организует душу и судьбу народа» [9, с. 220]. Автор мемуаров заявляет о единой душе и судьбе русского народа, организованной героическим началом, словно забыв о новой возникшей после 17-го года дефиниции — советский народ. Отметим, что образность эзопова языка, очевидно, одно из проявлений классической традиции русской литературы у писателей-государственников (А. Твардовский, П. Проскурин и др.) и тех, чью творческую индивидуальность можно обозначить как русский писатель советского периода литературы (Ю. Трифонов, А. Битов, В. Маканин и др.) [15, с. 8; 16, с. 259]. Ф. И. Тютчев в своих трактатах и статьях неоднократно размышлял о великой миссии России как наследницы Византийской империи. Поэт в работах «Россия и Революция», «Римский вопрос» рассуждал о державности страны, трактуя имперскую государственность России как проявление всеединства и порядка, одержавшего победу над хаосом. П. Л. Проскурин во второй части мемуаров «Версты любви» фиксирует, что все правители после 17-го года (кроме И. Сталина) утратили «ген имперской государственности», что во многом в трактовке писателя и определило трагическую судьбу страны («Бесы, захватившие власть над Россией в семнадцатом году, и не могли принести ничего иного, кроме крови и ненависти, у них не было изначально гена имперской государственности, державности, что ощутимо присутствовало у того же последнего, неизлечимо больного наследника. Откуда у этих бесов, ослепленных идеей мировой революции, могло явиться чувство любви и сострадания, чувство ответственности за русский народ и русское государство? Они ведь не строили и не созидали, они пришли разрушать, и должно было пройти определенное время, прежде чем появился Сталин, чтобы разрушенное перелилось в созидание» [9, с. 434]. Представление о величии России как Империи, Державы — еще одна идеологическая аксиома в мировоззрениях, сближающая

Ф. И. Тютчева и П. Л. Проскурина. В конце жизни русские писатели XIX и XX вв. пережили глубокое разочарование в связи с падением имперской мощи России. Как и великий русский поэт, осознавший разрушение своих надежд после проигранной Крымской войны и ставший свидетелем равнодушного отношения царя к идее славянского братства, П. Л. Проскурин стал свидетелем уничтожения русской государственности Горбачевым и Ельциным, замены идеи социальной справедливости на законы капиталистического общества. Особый тютчевский взгляд на Россию и Европу определялся ракурсом Россия и Запад. Поэт-философ считал, что Западная Европа не является единственным цивилизационным образованием Старого Света. Для Ф. И. Тютчева Россия существовала как европейская страна: Россия — Восточная Европа. И если принадлежность к Западной Европе объяснялась католичеством, то к Восточной — православием. В представлении П. Л. Проскурина только путь России «был полнокровным и естественным опытом движения к единству земли и человечества», который «может принести расцвет земной цивилизации» [9, с. 433]. Писатель объясняет это тем, что «только у России и русского народа был изначально заложен объединительный фермент в сплочении Востока и Запада, и никому другому этого больше не дано...» [9, с. 433]. П. Л. Проскурин определяет историософское значение России для мира и цивилизации: «Гибель России — гибель всей белой расы» [9, с. 433]. Интерес к положению России как державы между Западом и Востоком, к значению страны в мировой истории человечества объединяет историософские взгляды поэта XIX в. и писателя XX в.

Знаменательно, что книга «Порог любви» также завершается обращением к Ф. И. Тютчеву. П. Л. Проскурин приводит известное четверостишие поэта, поэтично-афористично формулирующее его главную истину, что такое вера в Россию. Писатель и пытается ощутить это на чувственном, эмоциональном плане. Лексика П. Л. Проскурина, описывающая строки Ф. И. Тютчева, выдержана в возвышенной модальности. Писатель метафорично обыгрывает слова поэта, отмечая их утяжеленный, золотой «вечный смысл». При этом они бессмертны в своей простоте и одновременной емкой наполненности. Последнее предложение этого абзаца подчеркивает светоносность тютчевских строк, призванных согреть и освещать сердце в тяжелые темные моменты. Лексика П. Л. Проскуриным подобрана так, чтобы передать эмоциональный накал стихотворения. Вера в Россию ощущается писателем через природный, отражающий бескрайность страны тысячелетний путь народа: «Тютчевское: “Умом России не понять, аршином общим не измерить: у ней особенная стать — в Россию можно только верить” — одно из таких свидетельств, вобравшее в себя и неоглядные родные пространства полей и лесов, и журавлиный зов над ними, и тысячелетние пути народа, и героическое начало его национального характера, пронесшего через неисчислимые исторические катаклизмы и провалы, через невиданные битвы и свершения свою глубинную суть — суть творца и созидателя, а если это было жизненно необходимо и дело касалось судеб родины, то и беззаветного воина, вобрали в себя золотые, как бы утяжеленные от влитого в них вечного смысла тютчевские слова и весь последующий путь, путь России, и ее самое отдаленное, необозримое и сейчас, будущее... Как же много могут вместить в себя человеческие слова, самые простые, всем давно из-

вестные, но рожденные в минуты высокого духовного подъема, что за бессмертное чудо такие слова! Чувствуете, как они немислимо тяжелы и как прекрасны именно своей тяжестью? И как они светят и греют, как вспыхивают ярче, казалось бы, в самом сердце в немислимо черные, провальные моменты!» [9, с. 411–412]. В тексте П. Л. Проскуриным использовано еще одно слово поэта «катаклизм» (стихотворение «Последний катаклизм»; строчки из письма А. В. Плетневой: «Еще несколько дней, и мы ввергнемся в настоящий катаклизм», речь идет о начале франко-прусской войны 1870 г.) [14, т. 6, с. 384]. Эта тютчевская лексическая единица, конечно, больше известная читателю по стихотворению, добавляет трагического пафоса в осмысление пути русского народа, постоянно проходящего над провалами и для которого «невиданные битвы» могли стать последними. Предназначение жить с ощущением над бездной П. Л. Проскуриным осознается как тютчевское понимание миссии русского народа. И из этой экстремальной жизненной программы нации для поэта XIX в. и писателя XX в. и формируется особая русская ментальность — героическая, творческая и созидательная.

Заключение

Для П. Л. Проскурина художественное наследие Ф. И. Тютчева — воплощение Большой истории, миссии русского народа, провиденциального образа России, бессмертия творчества. Писатель использует различные средства и приемы для презентации личности и лирики поэта: пафосную модальность, эзопов язык, акцентирует провидческий характер его лирики и философскую настроенность. Обращение к творческому наследию Ф. И. Тютчева позволяет раскрыть новые грани художественного мира П. Л. Проскурина, оценить роль классической традиции в его творчестве. Тютчевское восприятие жизни как «двойного бытия», хаоса, скрытого и готового вырваться из-под власти иллюзорного порядка типологически приближено к проскуринскому восприятию природного ландшафта в его двойной культурно-исторической ипостаси. Сложность мира, воспроизведенная поэтом, решается в его творчестве в политическом плане как державная устремленность России, что во многом сближено с позицией П. Проскурина.

В последний период творчества, начиная с романа «Отречение» и завершая второй частью мемуаров «На грани веков», для П. Проскурина обретают актуальность космизм поэзии Ф. И. Тютчева и дар поэта-пророка.

Литература

1. Большакова А. Ю. Почвенничество и символический реализм В. П. Астафьева и В. Г. Распутина // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21, № 3. С. 303–327. Текст: непосредственный.
2. Журавская В. И. Природа и человек в прозе П. Л. Проскурина // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. 2017. № 1(74). С. 16–34. Текст: непосредственный.
3. Захаров В. Н. Почвенничество в русской литературе: метафора как идеологема // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. Вып. 10. С. 14–24. Текст: непосредственный.
4. Лосев Л. Эзопов язык в русской литературе (современный период)». Москва: Новое литературное обозрение, 2024. 256 с. Текст: непосредственный.
5. Майданюк П. А. Петр Проскурин и Тверской край. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2016. 102 с. Текст: непосредственный.

А. А. Куприянова. Личность и тексты Ф. И. Тютчева в творческой рефлексии П. Л. Проскурина 1970–1980-х гг.

6. Медведев Ю. Память — живая вода // Судьба. Имя твое: диалогия. Москва: Военное изд-во, 1990. С. 970–974. Текст: непосредственный.

7. Михеичева Е. А. «Стучался он в вечные двери...» (О лирической прозе П. Проскурина) // Славянский сборник. Орел, 2005. Вып. 4. С. 157–163. Текст: непосредственный.

8. Михеичева Е. А. История и современность в романе П. Л. Проскурина «Число зверя» // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 2(65). С. 141–143. Текст: непосредственный.

9. Проскурин П. Порог любви. Орел: Картуш, 2023. 560 с. Текст: непосредственный.

10. Савельева Т. Н. Преемники творческого наследия Петра Проскурина на страницах журнала «Дальний Восток» // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. 2017. № 1(74). С. 35–39. Текст: непосредственный.

11. Салякина С. Т. «Словом можно спасти...»: повесть П. Проскурина «Азь воздам, господи» на уроке внеклассного чтения // Литература в школе. 2007. № 6. С. 37–39. Текст: непосредственный.

12. Роман «Глубокие раны» П. Проскурина: идеология, выправленная биографией. Статья первая / И. Л. Старцева, А. В. Шаравин, А. В. Антюхов, Е. А. Михеичева // Ученые записки Орловского государственного университета. 2023. № 1(98). С. 135–143. Текст: непосредственный.

13. Роман «Глубокие раны» П. Проскурина: идеология, выправленная биографией. Статья вторая / И. Л. Старцева, А. В. Шаравин, А. В. Антюхов, Е. А. Михеичева // Ученые записки Орловского государственного университета. 2023. № 1(98). С. 144–150. Текст: непосредственный.

14. Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений. Письма: в 6 томах. Москва: Классика, 2002–2005. Текст: непосредственный.

15. Шаравин А. В. Становление творческой индивидуальности Ю. Трифонова: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 1990. 20 с. Текст: непосредственный.

16. Шаравин А. В. Модификации жанра городского рассказа 60–90-х годов // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. С. 256–265. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 28.12.2024; одобрена после рецензирования 02.01.2025; принята к публикации 11.02.2025.

THE PERSONALITY AND TEXTS OF F. I. TYUTCHEV
IN P. L. PROSKURIN'S CREATIVE REFLECTION (1970s–1980s)

Alina A. Kupriyanova

Student,

Petrovskiy Bryansk State University

14 Bezhitskaya St., 241036 Bryansk, Russia

kuperalin@yandex.ru

Abstract. The article examines the reasons behind P. L. Proskurin's interest in the personality and works of F. I. Tyutchev. The article highlights how Proskurin perceives the poet's literary legacy as an embodiment of grand history, the mission of the Russian people, a providential vision of Russia, and the immortality of creativity. Proskurin employs various techniques to present Tyutchev's persona and poetry, including a pathos-laden modality, Aesopian language, an exploration of the poet's philosophical lyrics within literary tradition, and the motif of the poet as a prophet. Typological parallels between the 19th-century poet and the 20th-

century writer emerge in their historiosophical views on Russia's position as a great power between the West and the East, as well as its significance in world history. Tyutchev's concept of Russia's imperial destiny allows Proskurin to explore new dimensions of the "East–West–Russia" opposition in his literary universe, particularly in his *Zakhary Deryugin* trilogy, and to evaluate his poetics within the framework of classical literary tradition.

Keywords: F. I. Tyutchev, P. L. Proskurin, spirituality, Orthodoxy, philosophy, Aesopian language, conservatism, Slavophilism, historicism, Russia's mission.

For citation

Kupriyanova A. A. The Personality and Texts of F. I. Tyutchev in P. L. Proskurin's Creative Reflection (1970s–1980s). *Bulletin of Buryat State University. Philology*. 2025; 1: 62–70 (in Russ).

The review was submitted 28.12.2024; approved after reviewing 02.01.2025; accepted for publication 11.02.2025.